

А. Слюсарев

Рассказы

Анатолий Слюсарев

Рассказы

«Издательские решения»

Слюсарев А. Е.

Рассказы / А. Е. Слюсарев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834612-5

Сборник моей авторской прозы, включающий в себя как рассказы, так и сказки, написанные мной в разное время под влиянием разных событий жизни.

ISBN 978-5-44-834612-5

© Слюсарев А. Е.
© Издательские решения

Содержание

В гостях у М. А. Шолохова	6
Под пеплом вновь прорастают цветы	8
Глаз-алмаз	10
Сладкая парочка	15
Ксюхин день рождения	18
Режиссёр	21
Отголоски прошлого	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Рассказы

Анатолий Евгеньевич Слюсарев

© Анатолий Евгеньевич Слюсарев, 2017

ISBN 978-5-4483-4612-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В гостях у М. А. Шолохова

В солнечный апрельский день 1958 года Иван Григорьевич, водитель со стажем, как обычно, дежурил на станции в Миллерово. Во время войны он был штатным водителем штабных легковушек и за рулём прошёл всю войну. Ему доводилось побывать везде – в болотах Восточной Пруссии, в Будапеште и даже в Праге. В его практике встречалось всякое – он начинал с вождения обычного ГАЗа, а заканчивал войну уже за рулём трофейного «Мерседеса». После войны он продолжил карьеру водителя и теперь работал в такси. В Миллерово его хорошо знали и относились с большим уважением.

В этот день клиентов не было, и Иван Григорьевич начал уже засыпать, как вдруг в окно кто-то постучал. Иван Григорьевич живо отреагировал и, прежде чем он успел осмотреть пассажира, он услышал до боли знакомый голос.

– Довезёте до Вёшенки? – спросил пассажир.

Их было несколько. Одного из них он узнал сразу: ну конечно же – Пётр Глебов, известный киноартист. Молодую женщину, явно не местную, Иван Григорьевич сначала так и не признал, но потом выяснил, что зовут её Эля Быстрицкая, и она – коллега Глебова по съёмкам, исполнительница роли Аксиньи. Недавно в местной газете вышла заметка, что в соседнем городе снимается «Тихий Дон». Автор романа, по мотивам которого снимался фильм, Михаил Александрович Шолохов до сих пор был жив.

Ещё в конце двадцатых ему от правительства выделили жильё на малой родине – в станции Вёшенской, где он жил и по сей день. Это был хитрый человек: когда-то он, будучи сотрудником комиссии по продналогу, попался на махинациях и был арестован, но каким-то неизвестным образом смог отвертеться, а сам роман «Тихий Дон», написанный им ещё в двадцать седьмом году, мог стоять ему карьеры, а то и жизни. Но писатель не растерялся и ловко сыграл на опережение, задействовав Алексея Максимовича, известного под псевдонимом Максим Горький, с которым к тому времени успел крепко сдружиться. Михаил Александрович начал трезвонить писателю с одной лишь просьбой: организовать встречу со Сталиным и, при случае, замолвить словечко. Горький согласился и в скором времени, на даче в Подмосковье, за одним столом сидели сам вождь, ещё совсем молодой Михаил Александрович и Алексей Максимович, время от времени смолящий папиросы из своей любимой коробочки. Сталин неспешно покуривал трубку и какое-то время с подозрением смотрел на Шолохова, видимо, проверяя, насколько тот нервничает. Но Михаил Александрович был невозмутим и Сталин медленно, пережёвывая каждое слово, задал вопрос, ответ на который знали многие высокопоставленные партийные деятели, «подвиги» которых описал в своём романе двадцатидвухлетний писатель:

– Так это правда, товарищ Шолохов, – Сталин сделал ещё одну затяжку и, выдохнув облако табачного дыма, продолжил: – Что вы в своём романе... – ох уж эти паузы! Михаил Александрович начинал нервничать: один неверный ответ может разрушить всю комбинацию. Если ему удастся заручиться поддержкой вождя, то в ближайшее время за собственное будущее можно быть спокойным. Писатель старался не терять самообладание, но это было нелегко. – ...прославляли «Белое движение»? – наконец договорил Сталин.

– Никак нет! – отрапортовал Михаил Александрович, подобно солдату в строю. – В своём романе я описывал крах «Белого движения»!

Шолохов во второй раз вышел сухим из воды, здесь даже не понадобилась помощь Алексея Максимовича. А в тридцать восьмом Шолохов сумел обвести вокруг не пальца не кого иного, как самого главу НКВД Ежова. Однажды обманув судьбу в двадцать втором, Шолохов, казалось, стал бессмертен, хотя в последнее время всё чаще чувствовал себя не востребованным. Нет, обеспечен он был от государства весьма прилично даже по нынешним меркам,

но чтобы его рукописи допустили до печати, Михаилу Александровичу приходилось чуть ли не боем отстаивать своё право заниматься тем, чем он привык и чем жил.

ГАЗ забрал всех пассажиров и, выпустив клубы ядовитого дыма, выехал на просёлочную дорогу. Весной асфальт местами размыло и ГАЗ то и дело покачивался, попадая то в одну, то в другую яму. А как начнётся половодье, человеку, не знающему местность, лучше сюда не соваться – увязнет, потом попробуй машину без тягача извлеки. К счастью, вода уже отступила, хотя на горизонте всё ещё виднелось, как оттаявшие снега и льды пытаются преодолеть насыпи и дамбы, которые когда-то сами же крестьяне и набросали, чтобы не затапливало поля.

Путь до Вёшенской занял около часа. Отыскать дом Шолохова не составило труда. Сам хозяин стоял возле калитки и если бы Иван Григорьевич не видел его раньше на фотографиях из газеты, непременно принял бы за обычного колхозника, коих были сотни и тысячи во всём районе. Сам писатель, уже не молодой, но вполне бодрый и энергичный, стоял, опершись правым локтем на калитку. Одет он был в обычный старый ватник, свитер, брюки и галоши. Разве что не носил характерную для колхозников фуражку. Он неизменно смотрел куда-то вдаль, то и дело смоя «Беломор». Как только ГАЗ остановился у ворот, Михаил Александрович потушил папироску и в ответ на приветствие гостей, пригласил их зайти в дом:

– Задержитесь пока здесь – обед стынет.

Артисты зашли в калитку, после чего Шолохов подошёл к машине и, склонившись над кабиной, окликнул Ивана Григорьевича:

– Ну а ты чего, как неродной? Проходи, не задерживайся. Ты фронтовик?

– Фронтовик.

– Ну тем более! – Шолохов был явно предрасположен к Ивану Григорьевичу, будто знал его не несколько минут, а как минимум десять лет.

На кухне к тому времени воцарился шум – артисты рассказывали о съёмках, о том, как шёл подбор и Михаил Александрович демонстрировал к этой теме завидный интерес. Иван Григорьевич и сам не заметил, как влился в разговор.

Тут Шолохов повернулся к Ивану Григорьевичу:

– А что, может, по сто грамм, а?

Предложение прозвучало, мягко говоря, неожиданно и Иван Григорьевич на некоторое время растерялся:

– Что вы, я ж за рулём...

– Да ладно, чего ты, – Михаил Александрович ободрительно похлопал гостя по плечу. – Если что, ты просто предъяви это, – Шолохов двытащил из кармана бумажный листок, отыскал карандаш и живо набросал: «Ваня был у меня», затем поставил дату и подпись. – Всё, – говорит писатель. – Теперь если ГАИ остановит, ты просто покажи им это и ничего тебе не будет. К вечеру гости стали собираться уходить. Шолохов проводил всех четверых до машины и ещё несколько минут наблюдал, как барахтаясь в грязи на размытой грунтовке, автомобиль «ползёт» к околице, оставляя за собой лишь дым от выхлопной трубы.

Под пеплом вновь прорастают цветы *Кралево, Югославия. Май 1945*

Вот и всё, война позади. Такие мысли были в голове у Марии, когда она, едва отзвучали выстрелы, вернулась домой. Город было не узнать – то, что когда-то было улицами, бульварами, площадями, ярмарками, превратилось в сплошные руины. А вокруг – тишина... Та самая тишина, дороже которой нет ничего после четырёх лет войны, смерти и горя. Пришло мирное время, мира, цена которого – сотни тысяч жизней. Мария прошла всю войну, она подетально помнила времена, когда воздух горел и дрожал, когда приходилось свыкаться с мыслью, что завтра твоего друга уже не будет в живых, о том, что утренней зари она может и не увидеть.

Но прошёл один год, второй, третий... Смерть шадила её, раз за разом давая шанс выжить. Потом пришли русские. С каким вдохновением рвались рано постаревшие дети в Белград! Противник, казалось, выложил все свои козыри, зная, что дело проиграно. Неделю город сотрясали взрывы и выстрелы, а потом... «Русские! Наши!» – кричали ликующие горожане.

С тех пор прошло семь месяцев. И вот, долгожданная весна. Весна, подарившая мирное чистое небо. И вот, над руинами, где до войны был дом семьи Краньец, светило яркое майское солнце. Не осталось от дома ничего – ни единой стены, а лишь груда камней и блоков – тех, которые ещё не успели убрать. «Зачем я здесь?» – думала Мария, оглядывая обугленные камни. Тяжело было сейчас сидеть на развалинах родного дома. Она бы предпочла оказаться за тысячи шагов отсюда, но какая-то неведомая сила тянула её сюда. «Всё позади, Мария, всё позади», – убеждала она себя, закрыв лицо руками. В ней перемешалось всё сразу – всё, что она прошла за эти четыре года. Кто-то сказал бы, что война – не женское дело, но что есть страна, как не её народ, её защитники? Женщины, дети, старики – это тоже его часть.

– Мара... – знакомый голос привёл её в чувство. Она подняла голову, на время убрав ладони с глаз. Перед ней стоял не кто иной, как командир партизанского отряда. Тот самый Сретен Любиянкич, взявший под своё начало вчерашних крестьян, ремесленников, студентов, вряд ли державших в руках что-то грознее топора. Он и сам практически «с рельсов» осваивал огнестрел, лично учился стрелять из полевой артиллерии. Из него получился настоящий командир – тот самый, который своим солдатам становится вторым отцом.

– Глазам своим не верю: неужели передо мной – пуленепробиваемая Мария Краньец? Сколько лет знал тебя, редко когда даже скупую слезу у тебя видел.

– Не могу поверить, что всё позади, – ответила Мария, вновь опустив глаза.

Сретен понимающе покачал головой и сел рядом. Некоторое время они не произносили ни слова. Мария уже немного успокоилась, а Сретен безучастно смотрел вперёд. Вот в палисаднике, как по графику, проросли тюльпаны.

– Жизнь есть, – произнёс Любиянкич тихо, едва слышно. – Под пеплом вновь прорастают цветы.

Мария пристально смотрела в глаза бывшему командиру. Было в нём что-то такое, что придавало ей жизненных сил даже после тяжёлых ранений, полученных в самых жестоких мясорубках. Он и теперь будто заражал Марию своей энергией и железной волей.

– Мара, послушай, надо жить дальше. Просто учиться жить. Мы столько всего прошли... А для чего? Для того, чтобы мир вздохнул, наконец, свободно. С болью, но свободно. Нельзя выбраться из ада, не пройдя его до конца.

У Марии невольно прорезалась улыбка:

– Умеешь ты высокопарные слова говорить. Вот только...

– Когда была война, ты тоже думала, что не найдёшь в себе сил жить дальше. Выстоишь и теперь.

- Ты тоже. Наверняка уже знаешь, чем займёшься...
- Знаю, – кивнул Сретен. – Кое-какие планы уже есть. Видишь ли, жениться я надумал. Семья, свой дом, ну что ещё нужно человеку для тихой мирной жизни?
- И уже спутницу себе нашёл?
- Да.
- И кого, если не секрет?
- Ну как кого? Я затем к тебе и пришёл. Невест, кроме тебя, почитай, не осталось, а ты – не просто хранительница, но и защитница родного очага.
- Тьфу на тебя, Любиянкич, – Мария толкнула Сретена локтем в бок. – Хоть бы что ли этикет соблюдал, а то женщине такое говорить...
- Да ладно, чего ты сразу сердишься? Я не из тех, кто заливает стандартную чепуху, я просто что думаю, то и говорю.
- Ты невыносимо прямолинеен, Сретен... – вздохнула Мария, а потом, крепко обняв бывшего командира, прошептала: – С тобой – хоть на край света.

Глаз-алмаз

Москва. Октябрь 1993

Вызов в Красногорский район не был сам по себе чем-то необычным. С утра лил сильный дождь, аж из машины вылезать неохота. У местной лесополосы, где деревья были опечатаны, переминались с ноги на ногу двое людей в форме. Третий, в штатском, стоял чуть поодаль и, заметив знакомую машину, перелез через заградительную линию, приветствовал следователя:

– Доброе утро, Алексей Геннадьевич! Мы вас уже заждались.

– Здравствуй, Ленар, ну, в чём дело?

– Местный житель спокойно гулял с собакой, а та вдруг что-то нашла. Он не понял сразу, а как увидел, так его чуть Кондратий не хватил – человеческая рука. Мы обыскали место и нашли обезображенный мужской труп.

– Кто жертва?

– Если верить протоколу осмотра, то это – не кто иной, как Зелимхан Каримов, криминальный авторитет по кличке «мясник». Мы нашли обгоревшую барсетку неподалёку.

– Я бы на твоём месте не торопился с выводами, – развёл руками Егоров. – Каримов мог инсценировать собственную смерть.

– Не исключаю. Судя по тому, что кисти рук ему обрубили, кто-то очень не хотел, чтобы личность потерпевшего была установлена.

– Ещё более очевидно, – кивнул Егоров. – Кстати, кисти не нашли?

– Нашли, – вышел вперёд участковый. – Они в морозильной камере лежат, в нашем морге.

– Отлично! Теперь узнаем, кого Каримов завалил вместо себя.

Егоров уже не первый год работал в угрозыске и повидал достаточно мертвецов. Но фрагменты человеческого тела до сих пор коробили стальные нервы следователя. Видимо, на ум сразу приходил Афган, где он попал в страшную мясорубку. Вчера его сослуживцы, молодые здоровые парни, сегодня превращались в беспомощных инвалидов. Тогда ещё юный и неопытный Егоров, казалось, привык к смерти, всё-таки сталкивался уже по долгу службы в угрозыске с ней много раз, но стойкого иммунитета он так и не получил. Разумеется, в подтопленном ливнем лесу ничего более-менее существенного найти не удалось.

Губайдуллин, тем временем, получил главную улику по делу – руки потерпевшего. Надо сказать, Ленар был весьма ценным сотрудником: он обладал фотографической зрительной памятью и замечал даже мельчайшие детали. Вот и теперь, уже после окончания осмотра места происшествия, он с победным видом доложил коллеге:

– Вот так, Алексей Геннадич – прокол у них вышел – пальцы-то обрубить забыли. А на одном из пальцев не хватает фаланги. У Каримова все пальцы целые, стало быть, мы нашли останки Тимура Мустафина, киллера банды.

– Так-так... Каримов опять затеял чистку. Я думаю, дело было так: он обманом вывез Мустафина в лес, где либо он сам, либо кто-то из подельников убил Мустафина. Потом они облили тело кислотой, а руки отрубили и выбросили а расчёте на то, что дикие звери растащат. Но останки нашли раньше, чем предполагалось... Вот что, Ленар, не спускай с подельников Каримова глаз! Если он подчищает концы, значит, вот-вот сорвётся в бега. Если уже не сорвался, – последнюю фразу Егоров произнёс уже тише.

– Каримов никуда бы не уехал, бросив Дудина – он его мозговой центр. Профессиональный юрист, как-никак.

– Корлеоне и Хейген, не иначе, – усмехнулся Егоров. – Надо продолжать наблюдение. Рано или поздно Каримов «всплывёт».

Но отследить главаря банды было не так-то просто – мясник всё предусмотрел и общался с подчинёнными только посредством пейджинговых сообщений. К сожалению, сигнал от пейджера невозможно отследить, да и общались они иносказательно. Банда неплохо конспирировалась – каждый имел по несколько кличек. Чтобы отследить каждого, нужно было время. Много времени.

У самого Каримова «послужной список» был более чем внушительным – только за полтора года деятельности его банда совершила как минимум четырнадцать заказных убийств и это была только верхушка айсберга.

Слежка за подопечными Мясника продолжалась. Ленар ежедневно высчитывал, кто из них на месте, все ли живы, но главное, остался ли Дудин. Но основной костяк банды – Цаллагов, Дудин, Клопков и Шаванов регулярно мелькали в поле зрения оперативников. Каримов каждый день посылал подельникам пейджинговые сообщения, но где он сейчас? Губайдуллин заметно нервничал – если Мясник взялся подчищать концы, в любой момент можно ждать новой чистки. После этого главаря ищи-свищи. Нервничал и Егоров.

Однажды, когда в плотном графике коллег образовалось «окошко», они решили в спокойной обстановке обсудить перспективы. Егоров остановил свою «девятку» возле бильярдной и предложил Ленару пройти вместе с ним. Тот не отказался.

Внутри просторно. Интерьер обставлен со вкусом, ничего не скажешь. Всё здесь в зелёных тонах, что гармонирует с цветом бильярдного стола. А где-то в боковой комнате располагался зал игровых автоматов. Сколько людей просаживали в них свои сбережения, беда просто. Из игорных заведений редко когда уходят с крупным выигрышем, чаще – наоборот. Фортуна прагматиков не любит, предпочитая им смелых или дураков. А тем и другим она сопутствует всю дорогу.

Хозяин заведения весьма отличался от типичных бритоголовых крупных авторитетов, напротив – он был достаточно неприметной внешности, если не считать его солидного и отнюдь не дешёвого костюма. Тот заметил двух новых игроков и предложил пройти к столу.

– Вы новички? – спросил он.

– Не совсем, – уклончиво ответил Ленар.

– Тем лучше. Вам уже доводилось играть в бильярд?

– Пару раз, – ответил Егоров. – С тех пор хозяин бильярдной жаждет моей крови.

– Что ж, бывает. Сыграем партию?

– А на что играть-то будем?

– На раздевание, конечно же, – усмехнулся мужчина.

Он взял кий и начал оглядывать поле, пытаясь рассчитать траекторию движения шариков после удара.

– Бильярд – это вам не просто игра в мячики. Это особый вид спорта – стоит войти во вкус, как уже не сможете остановиться. Требуется холодного расчёта и ясного ума. Ну и знания законов физики, разумеется, – последнее он добавил уже после удара, когда сразу три шарика закатились в лунки. – Прежде, чем ударить, не забудьте припудрить носик нашему деревянному другу.

– А я прогуливал в школе физику, так что не ручаюсь за свою партию, – отшутился Ленар, прицеливаясь.

Мощный удар кием разом рассеял все скучковавшиеся на столе шарики. Некоторые даже попали в лунки. Теперь будет весьма затруднительно с таким разбросом шариков набрать за один ход много очков. Когда настала очередь Егорова, тому не удалось загнать ни один шарик. Первый блин всегда комом, бывает.

Как только владелец заведения отошёл чуть в сторону в компании с двумя охранниками, Егоров вопросительно посмотрел на Ленара и будто невзначай обронил:

– Полагаю, мы здесь не в бильярд играть пришли.

– Если ты про мясника, то пока его найти нереально. Смылся, гад.

– Какие ваши предположения? – Ленар сделал следующий ход.

– Думаю, он мог изменить себе внешность, сейчас это вполне доступная операция, если есть лаве.

– Вот это было бы некстати... – процедил сквозь зубы Ленар.

– Судя по всему, он скоро выйдет из подполья и попытается смыться.

– Дело дрянь, Алексей Геннадьевич.

Дальше Ленару как нельзя кстати встретился бывший сослуживец, предложив Губайдуллину выпить. Егоров сказал, что за рулём, а вот Ленар не отказался, тем более, что он не был при исполнении и мог позволить себе выпить. Егоров предпочёл ждать в машине.

Губайдуллин явился, спустя полчаса. Он был уже слегка навеселе и язык у него заплетался. Ленар легко пьянел и оттого старался пить как можно реже.

– А так я и знал! Где-то в подполе наш мясник себе личико-то того... Перекроил... Как искать будем, а?

– Сперва протрезвешь, а потом и обсудим, лады?

– Обижаете, Лексей Геннадич, – хмыкнул постепенно теряющий адекватность Губайдуллин.

Егоров любезно согласился подвезти Губайдуллина до дома, после чего отправил на его пейджер напоминание, чтоб завтра попытался узнать о том, как может выглядеть Каримов теперь, с уже изменённой внешностью. Конечно, внимательный к деталям Губайдуллин легко узнал бы Каримова в толпе по глазам, жестам, либо характерным сокращениям мимических мышц, не стоит возлагать слишком большие надежды на память Ленара – от ошибок никто не застрахован, поэтому лучше лишний раз перестраховаться. Никогда не знаешь, как судьба распорядится. Егоров после возвращения с войны стал особенно философичен и был непрочь обсудить с коллегами психологию преступников. Однако такая категория, как банды, вызывала у него чувство фрустрации, он начинал терять адекватность. Он не понаслышке знал, что из себя представляет группа вооружённых отморожков. В Афгане таких было воз и маленькая тележка. Он вряд ли забудет, как «духи» глумились над мёртвыми и ещё живыми солдатами, помнил рассказы сослуживцев, побывавших в плену. Он бы с радостью забыл те страшные мгновенья, но они, как заноза в мозгу – от них не избавиться.

Трудно было сохранить самообладание при одном лишь упоминании подобных эпизодов, но Егоров держал себя в руках. С трудом держал.

Голова... Ленар снова проклял себя за то, что пил вчера. А ведь сегодня рабочий день. Губайдуллин был из идейных и ни за что бы не простил себе прокола из-за своих человеческих слабостей. Пейджер хранил послание от Егорова, где было предписание проверить клиники пластической хирургии, узнать без шума, как теперь может выглядеть Каримов. В том, что он изменил себе внешность, никто в МУРе уже не сомневался. При встрече Егоров дал Ленару последние указания и велел только не поднимать шума и стараться соблюдать законность. Но врачи редко бывают словоохотливы с оперативниками, поэтому Ленар не нашёл ничего лучше, кроме как прикинуться журналистом.

«Никто мне не признается, что делал операцию Мяснику. Значит, придётся как-то втираться в доверие к хирургам». Ленар взял с собой штатного художника и они, под видом журналистов, пришли в клинику пластической хирургии. Одну из крупнейших в Москве. Им не составило труда отыскать главврача и тот, радушно приняв гостей, сохраняя профессиональную выдержку, сказал:

– Учтите: у меня мало времени для интервью, поэтому давайте-ка побыстрее.

– Будьте уверены, мы не потратим ваше время зря, – дружелюбно улыбнулся Губайдуллин. – Скажите, ваша клиника специализируется на операциях по изменению внешности?

– Да, это один из перечней услуг нашей клиники.

– Скажите, а вы можете заранее знать, как будет выглядеть человек, когда ему сделают операцию?

– Трудно сказать. Знаете, пластическая хирургия – это очень тонкая вещь и результаты терапии могут быть непредсказуемы.

– Но всё же? Мне важно знать одну вещь... Вот этот человек, – Ленар положил на стол фото Каримова. – Как сейчас он может выглядеть?

– Позвольте, но... Я не могу сказать. Он не обращался к нам с просьбой об операции.

– Нет это вы позвольте, – настоял Губайдуллин. – Я не сомневаюсь в порядочности вас и вашего заведения, но мне позарез нужно узнать, как теперь выглядит этот человек.

– Но я не могу дать точных сведений, простите.

– Мне важны любые сведения, – Ленар заметил, что выражение лица доктора изменилось, когда он достал из сумки конверт. – Надеюсь на ваше понимание.

Доктор пересчитал купюры и, разведя руками, позвал художника к себе. Примерно через час портрет изменённого Каримова был готов. Самое время размножить результаты и раздать их патрулям, а также своим верным «кротам». Тем, правда, пришлось довольно долго втирать, что Мясник нужен ему, Губайдуллину, живым. Теперь Губайдуллин, сам того не зная, стал кротом. Ему уже приходилось работать под прикрытием, там он и познакомился со многими агентами. Эти точно не подведут.

Вечером же, Губайдуллин отчитался уже перед Егоровым. Тот был доволен, как слон. Сразу видно: что-то нарыл.

– Ты очень вовремя, Ленар – нашего мясника подвела пагубная страсть к конспирации. С нового номера пейджера он послал Дудину и прочим выкормышам сообщение о том, что пора по-тихому сматываться. Мы послали запросы в аэропорты, так вот, человек, похожий на изменённого Каримова, собрался лететь послезавтра на утреннем рейсе в Лондон. Там мы его и возьмём.

В назначенный день Ленар заступил на дежурство в аэропорту. Он уже знал, что Дудина и Цаллагова взяли. Теперь очередь за главарём. Но высмотреть Каримова в толпе оказалось нелегко. Группу наблюдения пришлось держать в удалении. Оперативники в штатском буквально «растворились» в толпе и старались не пользоваться рацией, предполагая, что у Каримова может быть детектор, поэтому они, понимая, что не имеют права спугнуть главаря банды, подобно пилотам пассажирских лайнеров, не имеющих парашютов за спиной, шли на захват без оружия и средств связи. Минуты ожидания показались Ленару вечностью и когда рядом с таможенным постом он увидел самого Каримова, он чуть не сорвался с места. Ещё бы – тот, за кем он ходил по пятам больше года, сам пришёл к нему. Каримов был не очень похож на портрет, составленный со слов пластического хирурга, но он не смог изменить главного: глаз и мимики. Нервный тик на правой половине лица выдал Мясника с головой. Ленар спокойно последовал к таможенному посту, куда в это время подошёл сам Каримов, после чего он набросился на бандита и спустя всего долю секунды, Каримов лежал на полу в наручниках.

– Приплыли, гражданин Каримов, – сказал Ленар, выведя схваченного главаря банды из здания аэропорта.

Уже через час Каримов сидел в кабинете следователя, а Губайдуллин терпеливо перечислял ему весь «послужной список» банды.

– Вот так-то, Каримов, ты пытался инсценировать собственную смерть, а тут прокол – мы уже работали за Мустафиным и заметили, что он исчез. Вы попытались подсунуть ему документы и облить тело кислотой, чтобы никто не узнал. А тут опять прокол: пальцы обрубить забыли и мы нашли кисти целыми и как раз на безымянном пальце левой руки не хватало фаланги. Так мы и поняли, что это был Мустафин, а ты просто концы подчищал.

Каримов не ответил. Он молча сидел, озираясь по сторонам, как будто не верил в реальность произошедшего.

– Молчать будем? Ничего, в «Шестом коридоре» помолчишь. Твои подельники уже дают показания. Топят тебя так, что «мама не горюй». Так что не советую опираться – себе же хуже сделаешь. Уведите! – кликнул он караульного унтер-офицера.

На следующий день Ленар, как обычно, встретился со следователем. Тот просто светился:

– Поздравляю, Ленар! – Егоров пожал руку коллеге. – Мясник уже даёт показания. Как я и полагал, остальных бандитов он сдал. Их задержат в ближайшее время. И да, позволь один деликатный вопрос...

– Я весь внимание.

– Откуда у тебя такая память?

– Не знаю, – пожал плечами Губайдуллин. – Просто карта удачно легла, не больше и не меньше.

Сладкая парочка

Все эти истории о том, как сперва некий «он» встретил некую «её», а потом не мог спать, всё думал о ней – такая чушь, если честно. Но девочки переходного возраста, млеющие от женоподобных певчиков, вроде того солиста «Токио Хотел», охотно верят в неё. Я как-то раз увидел у Ксюхи плакат с полным составом этой группы (особенно мне запомнился трансвестит посередине). Я тогда без всякой задней мысли сказал:

– Прикольная девчонка.

Надо было видеть лицо Ксюхи! Её белое личико налилось кровью и теперь эта голубоглазая блондинка, словно сошедшая с какой-нибудь картины, больше напоминала мне перезревший помидор. Её явно задело моё замечание. А что скажете? Разве не похож? Вы разве не видели эти плакаты с «Токио Хотел»? Да там поди разберись, какого оно пола. Но Ксюха сочла, что я злонамеренно подколот её и с тех пор не упускала возможности отпустить что-то едкое в мой адрес. Раньше мы просто не обращали внимание друг на друга, а теперь я оказался удостоен двойной порции внимания этой симпатичной, но глуповатой блондинки. Нет, она не кричала на каждом углу, что «Женька – дурак», она начала по-другому оказывать мне знаки внимания. Вот припадочная, хлебом её не корми – посплетничать дай. Частенько она рисовала на доске «Женя + Артём = (нарисованное сердечко)». Сначала меня это забавляло и я просто не обращал внимания, но потом стало надоедать. Я мог бы ответить ей в духе «сама дура», но это не для меня. Когда я в очередной раз увидел на доске эту порядком приевшуюся надпись, я повернулся к Кусакиной и с ехидством заметил:

– Ревность – плохое чувство.

– ЧТО?! – Ксюха вновь стала красной, как помидор, что значило, моя подколка удалась. – Да я... Да пошёл ты знаешь куда, дебил?!

Знакомая риторика – просто классика жанра: «я гналась за вами четыре дня, чтобы рассказать вам, как вы мне противны и безразличны». Ну вы знаете, эти девочки в переходном возрасте до того похожи, что и говорить о них излишне. Все они такие прям друзья-друзья, до гроба и всё такое, а только кинь им кость, так начинается: «Ты охренела, овца»?! И это только самое безобидное из всего, что мне доводилось слышать во время разборок девочек-подростков. Вот она, подлинная женская дружба. А если уж у одной из подружек вдруг бойфренд завёлся, то хоть святых выноси.

С тех пор мы чуть ли не грызлись друг с другом. Казалось, только дай нам волю – передрёмся до крови. Так на уроке физики Ксюха снова кинула мне какую-то бумажку. Я и разворачивать не стал, а просто вытащил стержень из ручки и, оторвав кусочек, прожевал и выстрелил в эту обнаглевшую блондинку. Стрелять по её причесону – всё равно, что палить в пространство: куда-нибудь, да попадёшь. Ксюха не стала глотать эту обиду и, вытащив из волос этот комок, пульнула в меня, не глядя. Весьма метко кинула – в плечо попала. Ответка пришла весьма скоро. Так мы раз пять кидались друг в друга жёваной бумагой, пока не стали мазать и попадать в одноклассников. По классу прошла волна и Алевтина Павловна, грозно окинув учеников седьмого «Б» из-под своих очков, вынесла свой приговор:

– Кусакина, вон из класса!

– За что?! – недоумевает Ксюха. Вот лицемерка, а! Как козни мне строить, так вот она, а как спросишь – корчит из себя святую невинность, футы-нуты!

– Вон! И ты, Женя, тоже выходи.

Я спокойно встал и проследовал в школьный коридор. Ксюха за мной. Так и зыркает на меня своими голубыми глазёнками. Так и сидели мы на разных концах лавочки, играя в гляделки: кто на кого посмотрит снисходительнее. Ксюха при этом всё чаще прятала взгляд и у меня развилось чувство превосходства над этой глупенькой девчонкой, походив-

шей на типичную блондинку из анекдотов. Само собой разумеется, подростки в тринадцать лет ещё не умеют толком общаться с противоположным полом и я не был исключением. Зато одноклассницы иногда себе взрослых мужиков находили. Посмотрю порой: рожи шире танка, в отцы ж годится! Но нет, надо же нам покрасоваться перед подружками, дескать я крута, у меня есть парень, а вы завидуйте мне. У меня это ничего, кроме иронии, не вызывало. А вот о тараканах Ксюхи мне только предстояло узнать.

Начался урок русского языка. Ирина Владимировна разбивала класс на пары для проделки некой творческой работы в коллективе. К моему великому неудовольствию, посадили меня рядом с... Угадайте, кем? В десятку! Моим соседом по парте стала Ксюха Кусакина! Я всё время сидел один и как-то не страдал от того, что, в принципе, никто не подсаживается – можно раскапustиться на всей крышке парты и не тесниться, когда сосед что-то строчит в тетрадь. Где-то с шестого класса я однажды облюбовал заднюю парту в среднем ряду и с тех пор попробуй меня сгони. Теперь же я с ехидной ухмылкой наблюдал, как теснится рядом Ксюха. К ней сейчас только проводки подсоедини – энергию вырабатывать начнёт. Чем-то это напоминало мне выяснение отношений между моими родителями. Мама – женщина взрывная и поскандальить очень любит. Папа же напротив – флегматичен и чрезвычайно скуп на эмоции. Вечерами бывало, разляжется на диване с газеткой, подзовёт кошку и созерцая картину «два ленивых кота». Мама начинала выговаривать за так и не починённый шкаф, а папа отвечал:

– Да я б пошёл, но вот Алиса на мне улеглась. Так расположилась удобно... Сгонять жалко.

Да-да, Алиса – это моя кошка. Трёхцветная, как я когда-то хотел. Вообще-то, мои родители прохладно относятся к животным, вот только с появлением сына им пришлось пересмотреть свою позицию, зная, как дети любят всякую пушную живность. Часто под словом «компромисс» подразумевается сильное ущемление интересов одной из сторон, но в нашем случае – напротив.

Вот и сидим мы с Ксюхой. Я вижу, что она занимается не совсем тем, что сказала училка – строчит в общую тетрадь похабные стишки. Чему она научилась на «ура» – так это гадким стишкам, иногда попадающим в руки учителям. Разумеется, сама Кусакина категорически отрещивается от авторства, но перед подружками выставляет это чуть ли не как личный подвиг. Во молодец, а! Извела полтетради похабщиной, теперь ходит с важным видом, будто только что Родину спасла и подавай ей теперь орден и великую славу. От скромности точно не умрёт.

– Ксю, – толкаю я её в бок локтем. – Я что, один должен отдуваться.

– Не мешай мне! – щетинится она.

– Ну, как хочешь. Тогда я твои реплики сам пропишу, – всем своим видом я недвусмысленно намекал, что не упущу возможности ещё раз поддеть Ксюху.

Ту словно подменили. Стала работать, как автомат, выдавая одну версию за другой. Даже не бурчала на меня, надо же! А на следующий день мы уже рефлекторно сели вместе на классном часу. Дошло дело до лозунга школы. Ксюха заговорщически подмигнула, мол ща устрою. И действительно: набросала на скорую руку эти строчки:

«Школа – это сила,
Школа – это класс!
Кто в неё не ходит,
Тот -...»

Э... Не подумайте: я ругаться крепкими словцами люблю и делаю это регулярно, но хотя бы здесь постараюсь воздержаться от бранных слов.

– Тьфу ты! – громким шёпотом одёргиваю я соседку по парте. – Ты что, сдавать это собралась?

– А пошёл ты, – беззаботно отвечает мне блондинка.

– У тебя крыша, я смотрю, в бега подалась.

– А ты только заметил? – Ксюха, уже не сдерживая смех, подталкивает меня локтем в бок.

В этот момент она заметила, что на нас внимательно смотрят как минимум четыре пары глаз наших одноклассников. Неужели мы разговариваем так громко? Судя по их виду, да. Надо было видеть этот яркий румянец, вспыхнувший на щеках Ксюхи в тот момент. Меня же этот факт ничуть не смутил. Сказалось отцовское воспитание.

Мне показалось, что Ксюха как-то быстро поменяла своё отношение ко мне. Сперва как-то ужималась, боялась брякнуть лишнее, а потом... Говорят, взаимные подколки сближают. Возможно, хотя не думаю, что в нашем случае сработал закон о притяжении противоположностей. Иногда я скучаю по старым добрым подколкам с её стороны в мой адрес. Да и как иначе, ведь мне даже некуда стало распускать свой острый язык.

Ксюхин день рождения

В тот день я решил заскочить к Ксюхе и забрать свои конспекты по химии. На звонок никто не реагировал, хотя мне сказали, что Ксюха была дома. И не одна, а с Кирой Балашовой, лучшей подругой.

– Ксюха, ты чего, оглохла? – спрашиваю я, опираясь на дверь.

Опа! Дверь-то не заперта. Кусакина явно в лифте родилась. Я настороженно прислушался к тишине. Хмм, похоже, в родительской спальне кто-то есть. Я подошёл осторожно к двери и прислушался. О, вот Ксюха, а с ней и Кира! Духов вызывают. Вечно они дурью маются. А не подшутить ли мне над ними? Я медленно открываю дверь, которая, разумеется, скрипит. Я наугад ищу выключатель и как только свет озарил затемнённую комнату, Кусакина и Балашова испуганно завизжали. Боже, у меня чуть уши не заложило!

Я рассмеялся, чем вмиг вернул с небес на землю перепуганных девчонок.

– Ксюх, ты так легко пугаешься, чесслово...

– Женька! Тебя стучаться не учили?! – возмущённо орёт Балашова, швыряя в меня подушкой.

– Я звонил, – возражаю я, уворачиваясь от подушки, брошенной Кирой. – Но вы мне так и не открыли.

– Ещё раз вот так подкрадёшься, я тебе морду расцарапаю! – в сердцах орёт Кира.

– Обязательно, – с усмешкой отвечаю я. – Ксюш, ты куда дела мои конспекты по химии?

– Ща поищу, – отвечает немного оправившаяся Кусакина.

Всё время, пока я был в квартире Кусакиных, Балашова смотрела на меня исподлобья. Когда она злится, дуется, подобно хомячку и надо очень постараться, чтобы сдержать смех. Иначе поцарапает своими коготками, как настоящая пантера.

Когда я собрался уходить, Ксюха меня остановила:

– Жень, постой! У меня завтра день рождения. Придешь?

– Ну... Не знаю, честно говоря, – с сомнением отвечаю я. Дело в том, что на какой день рождения меня ни приглашали, везде я волей случая устраивал переполох, ставя на уши всех участников мероприятия. Может, дело в моей излишней болтливости, а может, просто создаю энергетику напряжённости одним своим присутствием. НЕ хотелось бы ещё и Кусакиным испортить торжественный вечер, но если я откажусь, Ксюха обидится. Ладно, может сейчас пронесёт. Постараюсь не болтать лишнего.

– Так придёшь? – с нетерпением спрашивает Ксюха.

– Да, жди завтра вечером, – буднично отвечаю я.

– Ой, спасибо, Жень! – восторженно визжит Ксюха, улыбаясь во всю ширину своего рта. Физических контактов она, по возможности, избегала и позволяла себе только тогда, когда эмоции переполняли. Улыбаться она старалась как можно более искренне, что у неё получалось весьма неплохо.

На следующий день я после уроков забежал в ближайший книжный магазин и забрал, наконец, тот здоровенный том с собранием сочинений Кобо Абэ. Ксюха тащится с японской прозы, говорит об особой атмосфере подобных произведений. Не знаю, ей виднее. Я не особо читаю японских прозаиков, я равнодушен к таким вещам. Куда больше я люблю спокойное отчаяние Ремарка и его философские размышления над очередным ящиком рома. Вот это я понимаю – нищета с дорогушим алкоголем! Чтоб я так бедствовал! Впрочем, это было не главное у Ремарка – он не перебарщивал с эмоциональной гаммой и создавал атмосферу спокойного нуара. Казалось, что ты сидишь сейчас у окна и с тоской наблюдаешь, как светятся в свете фонаря капли осеннего дождя. Жаль, в школьной программе его нет.

А вдруг одной книги будет мало? Прикуплю-ка я ещё конфет. Только бы Ксюха сама всё не слопала, она шоколад любит больше, чем надо. Даже я столько съесть не могу.

Ну вот, полный комплект: конфеты и подарок. Вполне сойдёт. Прежде, чем идти к имениннице, я заскочил домой и небрежно причесался, больно уж придирчивы её родители к такому фактору. Вот, а остальное – фигня. Ну всё, я пошёл. Лишь бы опять чего не случилось.

На сей раз мне не пришлось долго ждать, пока кто-то из жильцов квартиры номер тридцать один отреагирует на звонок. Ксюха молниеносно подскочила к двери и встретила меня всё той же широкой улыбкой:

– Женька-а, спасибо, что пришёл! – взвизгнула она. Вроде умная девчонка, а ведёт себя, как дурочка, честное слово.

– Да, Ксюш, с именинами! – ответил я.

– Жень, ты проходи давай, только осторожно, а то на Хауза наступишь.

Хауз – это её кот. Препротивное существо. Нетерпим к чужим, а меня особенно не любит – однажды вцепился мне в руку, да так, что до сих пор шрамы остались. По правде сказать, его зовут Барон фон Мюнхгаузен, а Хауз – это его сокращённая кличка. Любит он, разве что, Ксюхину мать, которая его же котёнком и купила на птичьем рынке. До чего мерзкое животное, а! Не подумайте, я люблю кошек – у самого дома живёт трёхцветная кошка Алиса, но её просто не сравнить с Хаузом. Я редко когда сталкивался с агрессивными котами и Ксюхин кот был одним из таких неприятных исключений.

– Да что мне Хауз, – равнодушно отвечаю я.

Правда когда мы увидели этого зверя около двери в гостиную, играющим с мышью, Ксюха взвизгнула и влезла на табурет.

– Скорей! – кричит она. – Подождём, пока уйдёт.

Я оказался достаточно высоким, чтобы упереться руками в потолок и сохранить равновесие. Ксюха же вцепилась мне в бока, пытаясь удержаться.

– Слушай, может ну его, а? – спрашиваю я. – Как-нибудь обойдём.

– Я боюсь, – возражает Ксюха.

– Ничего, я отгоню его.

Боже, зря я это предложил! Ксюха, спускаясь с табурета, невольно наступила Хаузу на хвост, чем вызвала у животного неподдельную ярость. Тот с остервенением вцепился когтями в ногу своей хозяйки. Ксюха закричала от дикой боли.

– Жень, сделай что-нибудь! – взмолилась она.

Чёрт подери, теперь без увечий не обойтись. Я не нашёл ничего лучше, кроме как попытаться силой оттащить кота от Ксюхи. Но Хауз лишь крепче сжимал когти.

– Перестань, мне больно! – кричала Ксюха.

– Да не бойся, я всё аккуратно сделаю, – бурчу в ответ я.

– Ну можешь ты побыстрее...

– Да если бы... Стой-стой, я почти уже! – в следующий миг я рванул кота за хвост с такой силой, что он отцепился от Ксюхиной ноги. Но теперь под раздачу попал я. Неудивительно – покушения на свой хвост кот не простил бы даже своей любимой хозяйке – Ксюхиной матери, что уж говорить про постороннего человека. Он вцепился мне в лицо, на миллиметр не достав до глаза. Не хочу описывать подробности боя, но через несколько минут весь пол был заляпан кровью – моей и Ксюхиной. Вот уж действительно мерзавец. Я в ярости щёлкнул кота по ушам и завернул в свою куртку. Только тут я заметил, что Кусакины дома. Ксюха представила, как наш разговор звучал со стороны и покраснела, как помидор.

– Пап, а ты чего здесь делаешь? – проямлила она.

– Живу, – с удивлением ответил Кусакин-старший. – А что здесь было-то?

– Нападение дикого животного, – мрачно пошутил я, заперев кота на балконе. – Здравствуйте, Виктор Альбертович! – я дружелюбно протянул руку Кусакину-старшему.

– Так это ты тот самый Женька? – поинтересовался Ксюхин отец, пожимая протянутую руку. – А я тебя представлял несколько иначе... Ну ладно, пойдёшь пока умойся, а то в крови весь.

Я повиновался и, уйдя в ванную комнату, принялся с остервенением растирать царапины и увечья, нанесённые котом в драке. Откуда только берутся такие сволочные звери, а?

После этого я оказался весь в зелёнке и пластырях. Выгляжу, как нарисованный хулиган из детских книжек. Кусякины всё ещё вытирали кровавые следы с пола. Наверное, мне стоило уйти. И этот день рождения я безнадежно испортил. Жаль, но что поделать – судьба такая.

Похоже, Виктор Альбертович понял мои намерения и строго окликнул:

– А ну стоять! Куда же ты, только пришёл и уже намылился уходить?

Стало неловко и я согласился остаться. Скоро пришла и Кира и кто-то ещё, только не из моей школы. Весь вечер мы спокойно обсуждали последние события и, конечно же, нашу схватку с Хаузом.

Похоже, дело конкретно во мне: куда ни сунусь, везде начинается хрен знает что. Приключения меня любят, что уж говорить.

Режиссёр

Быть режиссёром – архи сложно. Особенно, если в твоей постановке актёры – дети. Однажды я здорово измотал себе нервы, работая с третьеклассниками. Тогда я ещё не знал, во что ввязался, поэтому когда встретил классрука в школьном коридоре, не ждал никаких подвохов от её предложения.

– Жень, не сможешь со спектаклем, а? Ксюша одна не управится...

Как только этой дуре сценарий и режиссуру доверили?

– Чё, опять Кусакина вляпалась? – не без усмешки спросил я.

– Жень, нехорошо злорадствовать.

О господи, поучает, будто мне не 16, а 7 лет от роду. Может хватит принимать меня, как тупоголового первоклашку?

– Ну ладно, что у неё?

– Сценарий к новогоднему спектаклю. Представление будет 25 числа, не хотелось бы, чтоб оно сорвалось.

– Тю, я думал, оно уже завтра, а тут месяц ещё! – я немало обрадовался тому факту.

Можно работать вполсилы.

– Славно! Тогда подойди к Ксюше завтра и поговори с ней!

– Ага, – лениво отвечаю я.

Однако Ксюха сама мне позвонила этим вечером, спрашивала и уточняла, когда я смогу. Да хоть когда – уроки я давно перестал делать, лишь изредка списывал у одноклассников.

Встретились мы после уроков в актовом зале. Ксюха держала в руках листы бумаги и по привычке грызла карандаш. Термит какой-то.

– Ой, привет! – она встала с кресла и смущённо улыбнулась во всю ширину своего рта.

Мы с ней оба были неизменными участниками творческих конкурсов и нередко занимали призовые места. Я когда-то тоже был актёром, мой артистизм нахваливали, как могли. Мне нравилось играть на сцене, да, но я равнодушен к таким вещам. Поэзия куда больше нравится. Некоторые стихи красовались в школьной газете. Ксюха куда больше на рисовании специализировалась и танцах. Правда она была из достаточно бедной семьи и оплачивать секцию танцев родители были не в состоянии. Но Ксюха не отчаивалась – самостоятельно репетировала различные элементы. Так говорила, что даже спокойнее – хореограф не стремится зачморить и никто не насмеётся над её неуклюжестью. Но неуклюжей я бы её вряд ли назвал – порхает над полом, как бабочка.

– Тебе тоже, – ответил я. – Ну, что там у нас?

– Да вот, сценарий пишу. Понимаешь, тут значит, есть ещё ведьма, снегурочка, ну и принцесса. Поможешь их роли расписать?

– Да с полпинка, – уверенно ответил я. – А актёры где?

– Репетиция будет только когда сценарий подготовим.

– Ладно, – отвечаю я и принимаюсь прямо в зале на скорую руку строчить сценарий и расписывать роли. Была суббота и мы ушли гораздо раньше. Дописывали мы сценарий уже дома. Все эти детские спектакли до того однообразны, что и думать много не надо. Закончил я ожидаемо быстро и уже в понедельник наш сценарий вынесли на беловик и напечатали.

Я полагал, что на этом моя миссия окончена. О, наивный!

Сразу при распределении ролей нашла коса на камень – актёры из числа девочек наотрез отказывались от роли ведьмы. Я для кого старался, полночи расписывал такую классную роль?! Ну народ... Всем подавай принцессу. С грехом пополам, но мы всё же кое-как распределили роли и начали репетицию.

Режиссёр я, конечно, неважный, но фальшь чувствую. Ох и тиранил же я маленьких актёров за неестественную игру!

– Ну, что за приветствие? В голосе должна быть радость, а вы?.. Комара Ваську похоронили, – так нам когда-то учитель пения выговаривал. Теперь вместо него – я. Никогда не нравились современные дети-актёры – не умеют играть, хоть убейся. Если в фильме каком-то ребёнок-актёр играет естественно, то фильм уже заранее можно считать хорошим. День за днём я неустанно отработывал мастерство третьеклашек, а они играли через пень-колоду. Но главное, никто не хотел быть ведьмой. Хоть убейте, никто! Время от времени то я, то Ксюха подменяли ведьму на сцене. Мы не теряли надежды уговорить кого-нибудь из девочек сыграть эту роль. Как мы извращались, объясняя всю прелесть отрицательных ролей! Не описать словами. Наконец, одну из них уговорили.

Я вздохнул с облегчением – пронесло. Но радовались мы недолго. Однажды «ведьма» не пришла на репетицию. Ксюха рыскала по всей школе, наконец, спустя час, пришла и с бесилием вздохнула:

– Ты не представляешь – ревёт в туалете, прям ходячий пожарный рукав!

– В чём дело? – удивился я.

– Да сидит себе и хнычет: «Я никогда не буду принцессой». Я ей и так, и сяк, мол отрицательные и круче, ты запомнишься... Ни в какую!

Я в бессилии взвыл и приложился лбом о стену.

– Да пошла она!.. – в сердцах ору я, вычёркивая так и не состоявшуюся ведьму из списка актёров.

Но худшее было впереди – за неделю до спектакля две девочки неожиданно сцепились из-за этой дурацкой роли принцессы. Дрались, как бешеные псы, мы вдвоём не могли их разнять. Нам помогала вся труппа и ценой огромного количества потраченных нервных клеток, разняли сцепившихся актрис.

– Дальше только хуже, – сказала мне Ксюха, пока я провожал её домой. – Они ведь друг другу покоя не дадут.

– Тогда гнать их обеих из труппы! – я всё ещё был в горячке.

– Жень, ну войди в положение! Мы не можем просто так взять и поменять, они ведь в образы вжились! Жень, что делать, а?

– Я уже сказал, – бурчу в ответ. – Вот что, Ксюнечка, или приструним этих мочалок, или я больше не режиссёр! И тебе советую уйти. Пусть с ними училка сама колотится, как умеет!

Я кричал так громко, что Ксюхины родители выбежали на шум. Та быстро сориентировалась и проводила их обратно в квартиру со словами:

– Всё в порядке, нас актёры довели. Иди уже! – махнула она рукой, немного погодя.

На следующий день я подошёл к классруку и сказал:

– Извините, Ирина Владимировна, я не смогу больше быть режиссёром. Это выше моих сил – вчера две актрисы передрались из-за роли принцессы. У нас нет ни ведьмы, ни снегурочки. Извините, – с этими словами я положил на стол изрядно потрепанный сценарий.

– Да! – поддакнула Ксюха. – Неделя до представления, а они у нас покалеченные ходят. Поэтому спектакль отменяется. Поверьте, мы с ними намучились порядочно.

Удивительно, Ксюха стояла на своём и демарш удался. Труппа лишилась главного – сценариста и режиссёра, то есть, меня и Ксюхи. Классрук не на шутку испугалась и чуть ли не упрашивала нас переписать сценарий. Так, чтобы там было две принцессы. Торговаться я не мастак, но за положительные оценки (а я за год набрал с десятков прогулов) я согласился, хоть и трижды проклял себя за такое. С грехом пополам переписали сценарий.

И каким боком там вторая принцесса? Не знаю, но малым виднее. Лишь бы опять не передрались в самый ответственный момент. Хрупкий баланс, наконец, восторжествовал. Правда, мы остались без снегурочки и ведьмы.

– Ксюха! – меня озарило. – Глянь, тебе ведь и грим не нужен – просто пальто наденешь, обмотаешь шею мишурой и вуаля! Вылитая снегурка будешь.

– Точно! – в этот момент она была согласна на всё, лишь бы избавиться от этого геморроя в виде девятилетних актёров и их ролей. – А ведьмой кто будет?

– Ведьмой буду я.

Хитрый я, однако – на десерт себе оставил самую классную роль, которую так любовно возводил в своём сценарии. Даже в переписанном ведьма была, что надо.

Наконец, настал решающий день – 25 декабря. За кулисами мы раздавали актёрам последние указания, а мне старательно разрисовывали лицо чёрной акварелью. Для ведьмы костюм собрать из того, что было, не составило труда. Теперь главный вопрос – мой грим. Красили меня наспех, Ксюха даже пару узоров нанесла своей дурацкой помадой.

Настал мой выход. Пока я напевал арию ведьмы, описывая круги вокруг волшебного шара, случилось непоправимое – грим стал растекаться. Кто-то в зале испугался, а кто-то стал восторженно аплодировать. Похоже, сочли это колдовством. Бледное лицо ведьмы вдруг стало каким-то иссиня-чёрным... Ничего, для образа – в самый раз. Наконец, отыграли мы все полтора часа и вышли все вместе на сцену, чтоб поклониться зрителям.

Вот это была умора – два великана на фоне малявок из третьего класса! Зато потом нас провожали бурными овациями. Таких я не слышал никогда. Не зря, ой не зря я актёров тиранил! И не зря над сценарием дулся полночи!

Но чтоб я ещё раз согласился ставить эти спектакли... Увольте!

Отголоски прошлого

Время давно за полночь. Но мне не спится. За окном по-своему скверная и по-своему прекрасная погода – моросит дождь, иногда промелькнут первые снежинки. А как прекрасны зимние ночи! Не передать словами. Эти белые сугробы, в которых утром я утону по пояс, вызывали во мне чувство умиротворения и детской радости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.